

RU

Анаксимандр Милетский как концептуальный исток метафизического мышления

Ромащенко А. А., Ромащенко М. А.

Аннотация. Цель исследования - выявление концептуального истока классического метафизического мышления на основе анализа философии Анаксимандра Милетского. В статье затрагиваются вопросы специфики философского мышления как постоянного обращения к истокам, при котором осуществляется формирование новой интерпретации, дающей импульс для дальнейшего развития философии. **Научная новизна** заключается в открытии перспективы формирования нового единого концептуального поля современного философского мышления на основании актуализации историко-философского материала. **В результате** показана специфика культуры философского мышления как постоянного обращения к истокам с целью формирования современного проблемного поля.

EN

Anaximander of Miletus as “Father of Metaphysics”

Romashchenko A. A., Romashchenko M. A.

Abstract. Analysing Anaximander’s philosophy, the authors try to identify origins of classical metaphysics. The article highlights specificity of philosophical thinking as an activity focused on studying essential issues, which allows offering a new interpretation thus promoting further development of philosophical science. The researchers consider formation of an integrated conceptual field of modern philosophical thinking on the basis of actualization of historical and philosophical material, which constitutes scientific originality of the paper. The research findings are as follows: the authors reveal specificity of philosophical thinking as an activity focused on studying essential issues with a view to develop modern problematics.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью постоянного обновления тем философского дискурса в современном гуманитарном знании. Это связано в первую очередь с кризисом гуманитарной мысли в XX веке. С одной стороны, это коррелирует с деструкцией метафизики, отсылающей генеалогически к Фридриху Ницше и Мартину Хайдеггеру. Деструкция метафизического опыта приводит философию к необходимости экстраполировать некогда «чистые» метафизические структуры мышления на социальную, культурную, художественную, историческую тематику. Философия меняет свой язык: от логики категорий она переходит к логике экзистенциального опыта и поэтического языка. С другой стороны, кризис философии связан с постмодернистскими тенденциями деконструкции Жака Деррида, которые затронули не только вышеозначенный экзистенциальный опыт (представленный после деконструкции как многообразные практики изобразительного искусства), но и само предметное поле философии, которое, став объектом деконструкции, релятивизируется, следствием чего становится невозможность философского опыта самого по себе без повторения, симуляции, имитации. Поэтому вопрос о специфике формирования центрального стержня культуры философского мышления в его историко-философском понимании сегодня представляет собой попытку сформировать концептуальное поле для дальнейшей перспективы развития философии.

Для указанной цели исследования необходимо решить ряд **задач**: во-первых, обосновать специфику культуры философского мышления как практики интерпретации текста; во-вторых, показать, как данная специфика культуры философского мышления способна определить концептуальное поле современной философии, исходя из анализа историко-философского материала; в-третьих, раскрыть горизонт применения данного концептуального поля в рамках современной междисциплинарной практики.

Для осмысления места философии Анаксимандра Милетского в эволюции культуры философского мышления в статье применяются следующие **методы исследования**: историко-философский анализ проблемы, герменевтический и феноменологический методы.

Теоретической базой исследования стали корпус древнегреческих текстов [1; 5; 7], в которых содержится интерпретация основополагающего термина Анаксимандра Милетского «апейрон» (прежде всего аристотелевская трактовка), англоязычное издание О. Хита [10], содержащее математическую интерпретацию мысли Анаксимандра, работа феноменологического направления Мартина Хайдеггера [8], а также публикации, касающиеся существа историко-философской [3; 4; 6] и междисциплинарной направленности [2; 9].

Практическая значимость исследования заключается в том, что затронутые в статье историко-философские темы могут послужить основой для дальнейшего развития теоретического фундамента культуры философского мышления, а также могут быть использованы в усовершенствовании образовательной практики.

Специфика культуры философского мышления заключается в постоянном обращении философа к прошлому. Если для естественно-научного корпуса наук такое обращение допустимо только в качестве поиска исторических фактов, имеющих статус музейной ценности, то для философии (и гуманитарной науки в целом) обращение к наследию является формой движения вперед. Однако именно в этом месте для самой гуманитарной науки появляется своеобразная дилемма, которая делит гуманитариев на два лагеря: с одной стороны, обращение к прошлому возможно только на основе изыскания аутентичного исторического материала, в котором новизна выражается во вновь найденном историческом материале. История философии в данном случае представляет собой историю формирования мысли, застывшей в своей историчности. С другой стороны, историко-философский материал может стать поводом для формирования нового концептуального поля, в котором историко-философское событие (из прошлого) формирует философию в настоящем. В таком преломлении история философии становится предметом интерпретации, в результате которой осуществляется появление нового, которое способно открыть горизонт будущего. В первом случае (в котором акцент делается на историчности историко-философского материала) возникает опасность гипертрофирования исторической типизации философских текстов, которая в крайнем своем проявлении распределяет философские тексты по исторически и филологически ориентированным разделам, препятствующим развитию философской составляющей как живой идеи.

Опасность такой истории философии заключается также и в том, что, ставя во главу угла идею исторической достоверности, исследователь может стать жертвой иллюзии «открытия» нового исторически достоверного факта. Хотя известно, что, исследуя историю античной философии (особенно досократического периода), мы имеем дело все-таки с ситуацией пересказа пересказа (двойной интерпретации): «Историки греческой философии... зачастую оказываются в двусмысленной ситуации, возникающей при ответе на вопрос: а что же именно они исследуют? С одной стороны, они, безусловно, имеют дело с текстами соответствующей эпохи... но при этом, как правило, обращаются к интерпретациям (или создают их) мировоззренчески или идеологически нагруженным, существенно искажающим собственную суть греческой философии, зачастую не отдавая себе в этом отчета» [3, с. 203]. В данном случае целью истории философии как истории и становится выявление «сути греческой философии». Однако, оказываясь в вышеобозначенной ситуации превалирования интерпретированных текстов, возможно ли вообще ставить вопрос о выявлении сути того или иного философского плана?

В этой ситуации второй вариант истории философии делает акцент именно на *философию* истории философии, в которой интерпретация является не только формой доступа к утерянным в прошлом философским текстам, но и поводом для формирования новых. Так, например, Мартин Хайдеггер в сочинении «Феноменологическая интерпретация Аристотеля», осуществляя герменевтическое рассмотрение трудов древнегреческого автора, делает это, исходя из «предвзятости» вполне телеологической (в соответствии со своими целями) [3]: «Прошлое открывает себя лишь в меру решимости и силы способности-раскрытия, которыми располагает настоящее» [8, с. 46]. Иными словами, хайдеггеровский подход, учитывая историческую значимость текста, формирует такое отношение к данному тексту, в котором превалирует экзистенциальная форма события (прошлое формируется в настоящем благодаря «решимости»). В этой связи оказывается, что история философии не может в полной мере отказаться от какой-либо формы интерпретации, будь то проблемная интерпретация или интерпретация телеологическая. В любом случае можно сказать, что с исторической точки зрения любая форма развития философии самой по себе – это в некоторой степени интерпретация.

Первым в исторической перспективе автором, который, собственно, и закладывает метафизические основания культуры философского мышления, становится Анаксимандр Милетский. Наследие Анаксимандра (а именно его идея «апейрона» – τὸ ἄπειρον – как физической (?) основы для возникновения сущего) до нас дошло через перипатетическую интерпретацию, в которой к досократической проблематике первоначала прибавляется аристотелевская традиция (а возможно, что сама досократическая традиция была сформирована в рамках перипатетической школы [2; 6]). Согласно этой традиции, Анаксимандр, будучи частью так называемой натурфилософской школы, в качестве первоначала всего сущего предлагает некий «апейрон», который по своему логическому содержанию превосходит общее для натурфилософии физическое понимание первоначала в качестве какого-либо физического элемента: «Из полагающих одно движущееся начало Анаксимандр, сын Праксида, милетец, принял за начало некую бесконечную природу (φύσις ἄπειρος), отличную от четырех элементов, вечное движение которой он считал причиной рождения небосводов [=миров]» [7, с. 121]. Учитывая логику последующего развития философии после Анаксимандра, можно утверждать, что Аристотель не случайно обращается к проблематике апейрона (бесконечности), поскольку в данном термине воплощается общее для всей древнегреческой философии стремление к математизации философии, в частности философской проблемы первоначала.

Философское наполнение понятия «апейрон» в третьей книге «Физики» Аристотеля следующее: сущее, имеющее в своем основании одно общее свойство – быть протяженным, конечным (пространственно и временно), оформленным (то есть имеющим форму), множественным порождено чем-то, что не может иметь характер протяженности, то есть неким непротяженным, бесконечным, бесформенным, вечным объектом: «Все существующее или [есть] начало, или [исходит] из начала; у бесконечного же не существует начала, так как оно было бы его концом» («Физика» 203 b 5-10) [1, с. 110-111]. К свойствам апейрона Аристотель причислял, прежде всего, вечность: «...[бесконечное], будучи неким началом, не возникает и не уничтожается; ведь то, что возникает, необходимо получает конечное завершение, и всякое уничтожение приводит к концу. Поэтому, как мы сказали, у него нет начала, но оно само, по всей видимости, есть начало [всего] другого, все объемлет и всем управляет...» («Физика» 203 b 10-15) [Там же].

Физическое понимание анаксимандрова апейрона (как, собственно, это и распространено в современной историко-философской литературе, посвященной Анаксимандру) не дает объяснения последующей форме метафизического мышления, в котором рассуждения о конечности и бесконечности, протяженности, множественности хоть и обращены к физическим явлениям, но представляют собой магистральные линии логико-категориального мышления, в котором доминирует именно математический фон культуры философского мышления. Демокритов атом, платоновы тела, Единое Парменида – все эти темы ранней греческой философии генетически происходят именно из логико-математического аппарата Анаксимандра (в его перипатетической интерпретации).

Остин Хит, проводя параллели между бесконечностью апейрона и математикой, указывает на схожесть перипатетической модели апейрона Анаксимандра в ее соотношении с проблемой первоначала сущего с современной математической теорией множеств: «В настоящее время исследование бесконечности в основном содержится в области теории множеств, которая, в свою очередь, изучает свойства коллекций, состоящих из объектов в охватывающей организационной структуре, называемой множеством. Например, множество {2, 4, 6} содержит 3 различных элемента: 2, 4 и 6. В этой математической структуре можно представить множество множеств с интересными математическими понятиями. Наиболее актуальными для обсуждения являются множества, которые, как представляется, содержат неисчерпаемое количество сущностей, таких как множество всех натуральных чисел {1, 2, 3, ...} или множество всех простых чисел {2, 3, 5, ...}. Именно тогда, когда мы рассматриваем такие множества, возникает картина бесконечности» [8, с. 60].

Таким образом, концептуальное образование «апейрон» (сложившееся в истории греческой культуры философского мышления как результат интерпретации [6]) становится первым в истории философии примером математического понимания философской проблематики, с одной стороны, и каркасом для последующей логики развития метафизического дискурса – с другой. Указанные стороны историко-философского сюжета говорят как о наличии в истории метафизики магистральной линии развития, так и о междисциплинарности описываемой интерпретации, где ошибочно понимаемый как физический концепт раскрывается в качестве математической перспективы, объясняющей с новой стороны указанную магистральную линию метафизического мышления.

Математическая интерпретация апейрона Анаксимандра конкретизируется через термин «выделение», который впервые появляется у Аристотеля в «Физике», в рассуждении философа о происхождении Многого из Единого («Физика» 187 a 15-20) [1, с. 110-111]. О. Хит применяет термин «вытягивание»: «Аристотель и Аэгий (Псевдо-Плутарх) описывают процесс, посредством которого форма вытягивается из бесформенного, устанавливая элементарные противоположности, такие как горячая и холодная, которые затем объединяются в разных концентрациях для образования материальных объектов» [10, р. 62]. «Вытягивание» или «выделение» из апейрона конкретных физических качеств, с одной стороны, дает повод некоторым интерпретациям сводить апейрон к такой же физической природе, что и выделенные из него качества (во многом мистифицируя данное понятие); с другой стороны, фундирует метафизическую проблему, ставшую впоследствии на многие века камнем преткновения в понимании практики и культуры философского мышления: проблема перехода от математики к физике, от нематериальной природы математического объекта к материальной физике.

Возвращаясь к математической интерпретации, можно утверждать, что на основе таких понятий, как протяженность, форма, конечность, бесконечность, выстраивается приблизительная математическая модель анаксимандрова апейрона в качестве геометрической точки, из которой посредством «вытягивания» получаем отрезок, из отрезка – плоскость, из плоскости – фигуру. Именно точка становится тем объектом, из которого получают все математические (геометрические) объекты, но который сам не происходит из чего-то более элементарного. Не существует половина точки. Точно так же не существует и половина апейрона, так как половина (в геометрическом или арифметическом планах) уже предполагает либо пространственную протяженность, либо протяженность математического ряда (ритм).

Геометрические фигуры, получаемые из точки и становящиеся основой физического многообразия явлений для философии (и науки) древности – общее место метафизического мышления. Так, Платон, как известно, в диалоге Тимей описывает космогоническую картину начала физических элементов (вода, земля, воздух и огонь), опираясь на математические модели, названные впоследствии «Платоновыми телами» («Тимей» 54 b-d) [5, с. 468], которые представляют собой не столько художественно-схематический образ стихий, сколько нечто, имеющее онтологически самостоятельное, не зависящее от чувственно-воспринимаемого мира значение, поскольку для Платона как последователя Пифагора математика занимает промежуточное положение между миром идей как миром сверхчувственных сущностей и миром теней [9]. То есть на примере Платона мы видим, что если у Анаксимандра математический апейрон представляет собой самостоятельный исток физики, то у Платона математика несколько опускается по отношению к миру идей, который у Платона и является доминантным [4].

Историко-философская интерпретация, опирающаяся на математическую модель трактовки и вносящая ясность и стройность в метафизическую мысль греческой цивилизации, также применима и к демокритовым атомам, которые в случае их физического понимания порождают массу противоречий логического характера. Так, например, если физическое тело – это, прежде всего, нечто протяженное, то физический атом также протяжен, а так как протяженность – это одно из условий делимости, то физический атом Демокрита делим. Такое противоречие снимается, если применить к атомам Демокрита математическую модель интерпретации, в которой атом – это математическая точка, из которой посредством «вытягивания», удвоения появляются фигуры. Однако и в данном случае, к сожалению, не снимается вышеозначенная проблема перехода математики в физику. Квантовая механика в XX веке в какой-то мере снимает эту проблему путем введения в круг своего предметного поля понятия о безмассовых частицах.

Таким образом, можно сформулировать ряд **выводов**. Во-первых, вектор развития философии отличается от направления развития естественно-научных дисциплин: в отличие от физики, направление развития которой однонаправленное, философия обновляет свою проблематику, обращаясь к прошлому, привнося в него новые способы интерпретации, которые, в свою очередь, и дают импульс дальнейшему развитию. Во-вторых, обновление философского проблемного поля осуществляется не столько за счет выявления аутентичности исторических источников, сколько как результат формирования и применения новой модели интерпретации к уже сложившимся философским традициям. В-третьих, применение таких моделей (в частности, применение математической модели к интерпретации магистральной линии развития классической метафизики) раскрывает когнитивный потенциал классической проблематики, формируя междисциплинарное поле взаимодействия между философской традицией мышления и естественно-научным корпусом дисциплин, что, в свою очередь, приведет к обновлению самой философии.

Список источников

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 59-263.
2. Вольф М. Н. Структура проблемы «начала» в философии Анаксимандра по доксографическим свидетельствам // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 1. С. 33-36.
3. Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // ΣΧΟΛΗ. 2007. Т. 1. № 2. С. 203-246.
4. Зеннхауэр В. Платон и математика. СПб.: РХГА, 2016. 614 с.
5. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
6. Рейхерт К. В. К вопросу об архэ Анаксимандра: Аристотель как источник сведений об Анаксимандре // Актуальні проблеми духовності. 2014. Вип. 15. С. 17-26.
7. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.
8. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации) / пер. с нем., предисл., науч. ред. Н. А. Артеменко. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 224 с.
9. Becker O. Mathematische Existenz: Untersuchungen zur Logik und Ontologie mathematischer Phänomene // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1927. Bd. 8. S. 441-809.
10. Heath A. Mathematical Infinity and the Presocratic Apeiron // Stance. An International Undergraduate Philosophy Journal. 2014. Vol. 7. P. 59-68.

Информация об авторах | Author information

RU

Ромашенко Александр Александрович¹, к. филос. н.

Ромашенко Мария Александровна², к. филос. н.

^{1,2} Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

EN

Romashchenko Alexander Alexandrovich¹, PhD

Romashchenko Maria Aleksandrovna², PhD

^{1,2} Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

¹ romaschenko.al@gmail.com, ² filos_sstu@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): культура философского мышления; Анаксимандр; апейрон; математизация философии; culture of philosophical thinking; Anaximander; apeiron; mathematization of philosophy.